

В космос летят за мечтой

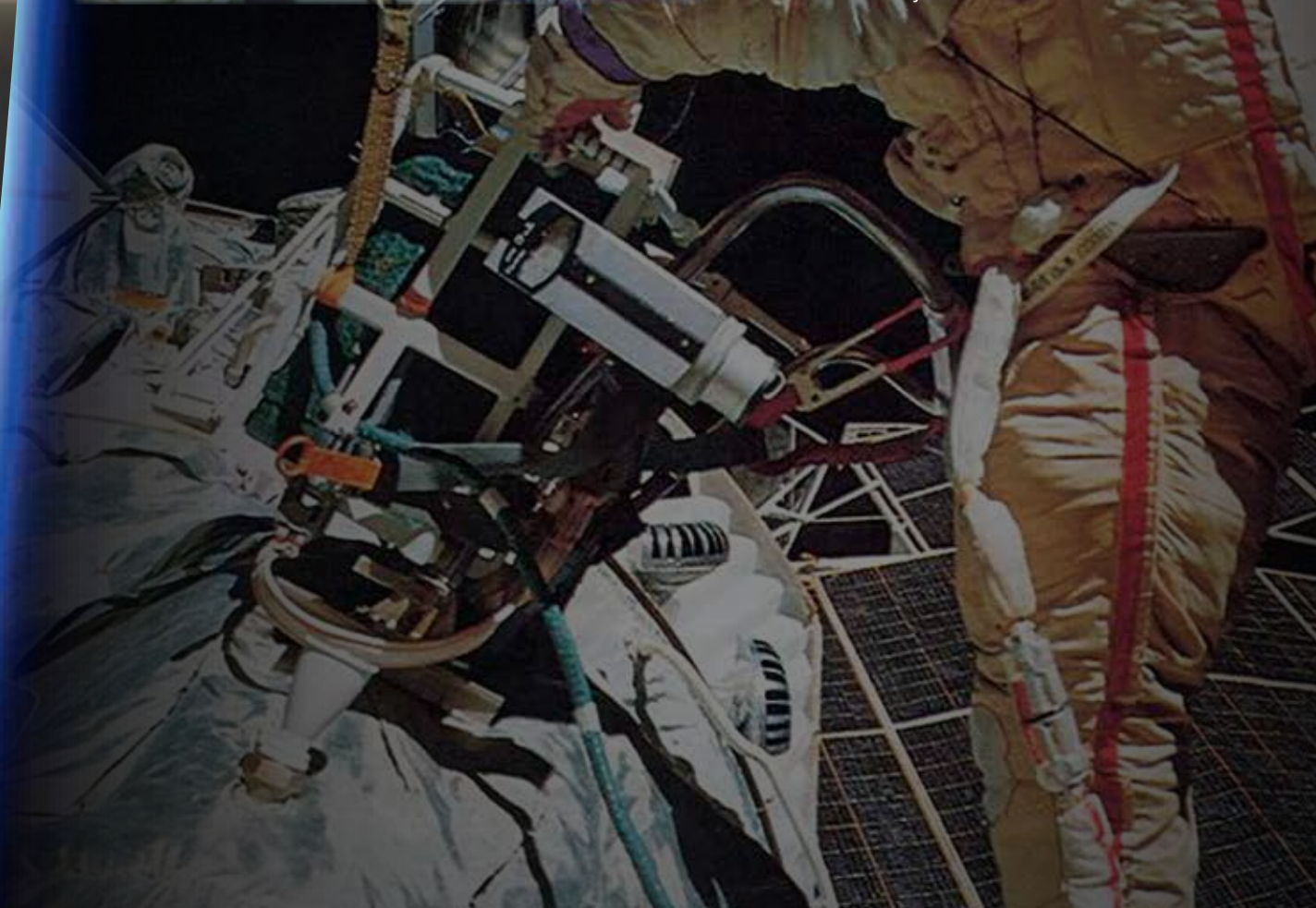

КОСМОС КАК ПРЕДЧУВСТВИЕ

Георгий Михайлович Гречко — знаковая фигура в отечественной космонавтике. Он трижды летал в космос, каждый раз добиваясь уникальных научных результатов. Дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР, доктор физико-математических наук, он работал с Королевым, тренировался с Гагариным, неоднократно побивал рекорд длительности полета и стал самым старшим космонавтом, побывавшим на орбите. Своим друзьям и коллегам он известен еще и как великий шутник и балагур, но немногие знают, что он один из самых романтичных космонавтов: в звездных далях он ищет возможность не только осуществить очередной научный эксперимент, но и узнать что-то новое, необычное, а может, даже встретиться с братьями по разуму. Сегодня это его главная мечта.

Беседу вела Наталия Лескова

Георгий Михайлович, Ваши родители не были ни военными, ни ракетчиками. Как вышло, что Вы стали космонавтом?

Сначала я стал ракетостроителем, а космонавтом уже потом. Но и о том, и о другом мечтал с детства. Можно сказать, что в космос меня позвала фантастика. Я обожал книги, знал, где их можно купить или выменять у букинистов в Ленинграде. Особенно интересовали книги по астрофизике, про планеты, про полеты. Мне даже удалось раздобыть два тома знаменитой энциклопедии «Межпланетные сообщения» под редакцией профессора Николая Рынина. Эти тома выходили мизерным тиражом и быстро становились библиогра-

Даже когда я работал в КБ Королева, он упорно считал, что я не тем занимаюсь, упрекал, что не остался в аспирантуре. Однако я не обижался. У нас было другое воспитание. Но, конечно, когда я вернулся из первого полета, отец был даже счастливее меня. Его беспутный сын, который все время где-то тонул, что-то взрывал, ломал руку, когда прыгал со шкафа на диван, готовясь в парашютисты, и ногу, когда уже прыгал с парашютом, оказался годен для большого дела. Отец умер во время моего второго полета. Мне, конечно, об этом не сообщили. И радость от счастливого возвращения на Землю была омрачена, когда я услышал эту страшную новость.

А решение поступать в институт на ракетостроителя вышло в старших классах. Я рассуждал примерно так. Циолковский писал, что человек полетит в космос через сто лет — а ведь его считали великим мечтателем! И я понимал: даже если стану долгожителем и проживу сто лет, в космос меня вряд ли возьмут. Поэтому у меня была идея: найти институт, где учат на ракетостроителя, хотел создать ракету, чтобы мой сын или внук на ней полетел к звездам... А я буду сидеть и радоваться. Так я поступил в Ленинградский Военмех на факультет реактивного движения, потом, уже работая в КБ Королева, окончил вечернее отделение мехмата МГУ: мне не хватало математических знаний для сложных расчетов. А в 1962 году подал заявление с просьбой зачислить меня в отряд космонавтов. Так что вышло не по Циолковскому. К звездам мне довелось полететь самому — благодаря Королеву. Скажу так: без Циолковского я бы не стал ракетостроителем, а без Королева — космонавтом.

«Когда открывается окно в космос, чувствуешь возбуждение и радость. Поэтому никакого страха нет, только ликование».

фической редкостью. Я знал, что Рынин жил в Ленинграде. На последней странице книги было написано: «Отзывы направлять по адресу: Ленинград, улица Жуковского, дом... квартира...». Я пошел. Мне очень нужно было спросить его, в какой институт надо поступать, чтобы выучиться на ракетостроителя? Это было в 1947 году. Дошел до дома, нашел дверь, стучался. Спустился вниз, пошел назад. Но все-таки вернулся и позвонил. Мне открыли, и тихий женский голос из полумрака квартиры ответил, что Николай Алексеевич умер в блокаду. Я ушел растерянным и потрясенным. Сам я выжил благодаря эвакуации в Чернигов, хотя туда быстро пришли немцы и началась оккупация...

Родители хотели, чтобы Вы пошли в ракетостроители?

Отец всю жизнь считал меня непутевым. Его не вдохновляли мои космические увлечения.

Вы помните момент, когда приняли решение о будущей профессии?

Для меня все началось с гайки. Это было еще в школе, классе в шестом. Меня заворожил чертёж обычной гайки, произвел неизгладимое впечатление. Не знаю, чем он меня так вдохновил. Может быть, поразило золотое сечение? Так или иначе, я все-рез увлекся механикой из-за этой гайки, увидев в ней средоточие тайны, которую можно раскрыть, став технически грамотным человеком. Когда я выступаю перед школьниками и они просят у меня автограф, я никогда не отказываю. Из-за гайки. А вдруг с кем-то произойдет подобная история? Возьмет парнишка автограф и захочет стать космонавтом. А нам так нужны молодые! Недавно я написал книгу «Космонавт номер 34. От лучины до пришельцев». Надеюсь, она станет для кого-то той самой гайкой...

Однако в космос в первый раз Вам довелось полететь лишь в 1975-м. Тяжело было ждать? Психологи говорят, что в нашей профессии умение ждать — главное. Полетели мы

с Губаревым. Он командиром, я бортинженером. Хотя поначалу хотели отправить не меня, а Макарова, и он прямо мне сказал: «Я все сделаю, чтобы полетел не ты, а я, потому что я летал всего один раз и только двое суток. Хочу в длительный полет!» При этом он не учел, что я к тому моменту не летал ни разу... Хотя бывали случаи, когда смена экипажа кому-то спасала жизнь. Перед полетом Леонов, Кубасов и Колодин были первым экипажем, а Добровольский, Волков и Пацаев — вторым. И вдруг у Кубасова находят в легких какое-то образование. Решают менять весь экипаж целиком. Все думали: «Как повезло ребятам!» А они погибли при посадке... Я после долгих мытарств стал космонавтом номер 34. И первым коренным ленинградцем в космосе, чем очень горжусь. Гагарину, конечно, было тяжелее. Он летел в неизвестность, а я уже отлично знал, на что иду. Физически я натренировался очень хорошо, теорию знал так, что, кажется, был готов к любой ситуации, и те перегрузки, которые пришлось испытать, показались игрушечными. А когда открывается окно в космос, чувствуешь возбуждение и радость. Поэтому никакого страха нет, только ликование.

Правда, потом наступает некоторое разочарование. Ты столько ждал, готовился, но проходят какие-то 10 минут — и ты уже в космосе. А там тишина. Ничего. Чтобы осознать, что происходит, многие космонавты вешают перед собой что-нибудь на веревочке. У меня была маленькая куколка. Она прыгает, раскачивается, а когда наступает невесомость, начинает летать... Однако заикливаться на своих переживаниях особо некогда. Я всегда летел в космос работать и, когда шел какой-нибудь особо

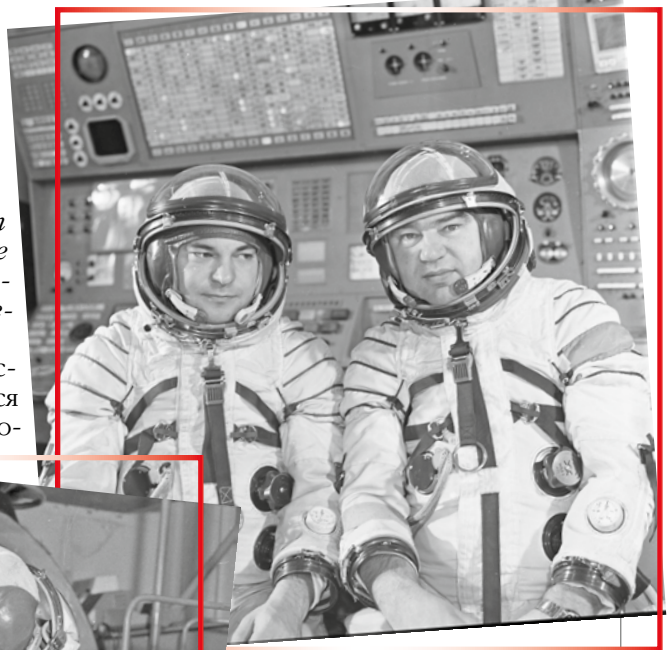
интересный эксперимент, забывал поесть, поспать, за что в ЦУПе меня прозвали неуправляемым космонавтом.

Ваш второй полет побил все тогдашние рекорды длительности. Вы летали целых три месяца!

Отправляясь в космос, всегда надеешься на встречу с неведо-

мым. И это ощущение усиливается, когда с Земли тебе говорят: «Этого не может быть!» Такое у нас было, когда удалось увидеть второй эмиссионный слой в ночной атмосфере. О его существовании на высоте около 350 километров ученые догадывались, но не предполагали, что его можно наблюдать невооруженным глазом. А мы увидели! Романенко запросил особо чувствительную пленку, и Джанибеков с Макаровым нам ее доставили. Мы отсняли этот слой и доставили на Землю с новой okazji — Губаревым и Ремekom. Наше открытие помогло разработать другие методы изучения верхнего эмиссионного слоя. В том полете нам удалось проделать множество уникальных научных экспериментов, увидеть НЛО, которые потом, увы, оказались кусочками обшивки станции, и даже полечить зубы Юрию Романенко. Почти три месяца бедолага жил

с зубной болью, и какими только методами мы ни пытались ее снять — ничего не помогало. Только на Земле, когда зуб, наконец, удалили, Юра обрел покой.

Третий Ваш полет тоже стал рекордным — Вы были самым старшим из летавших на тот момент космонавтов.

Да. Я полетел в 54 года. Меня называли «космическим старожилом». Действительно, у нас в таком возрасте никто тогда не летал, это был абсолютный рекорд. Правда, потом американцы его побили — Джон Гленн слетал аж в 77 лет! Но это было в 1998-м. А тогда на «Салют-7» я отправился дважды дедушкой. И в этом полете мы со Станиславом Савченком получили важную научную информацию о тонкой слоистой структуре Земли, составили программу по исследованию земной атмосферы. Когда отчаливали на «Союзе», сделали уникальные снимки нашей легендарной станции. Валентин Петрович Глушко двумя руками в них вцепился, когда увидел, хотя у меня из-за этих снимков были неприятности: чтобы они вышли крупными и выигрышными, я выключил двигате-

Георгий Гречко с женой и известным ученым-океанологом, бардом Александром Городницким

ли отвода, и ЦУП реагировал на это нервно, требовал «прекратить безобразие». Но я баллистик и знаю, когда можно рисковать, а когда нет. Глушко, потрясенный этими снимками, сказал: «Готовься к четвертому полету!» Но я решил, что хватит.

Каким Вам запомнился Сергей Павлович Королев?

Это был необыкновенный человек, очень внимательный к людям. На каждом собрании, что бы мы ни обсуждали, он поднимал присутствующих и спрашивал мнение каждого. И это было правильно. Ведь рано или поздно любой человек выскажет мнение, отличное от остальных. У меня так было, когда я заявил, что третий спутник не взлетит. На меня зашикали, но оказалось, что я был прав. На мой взгляд, мы именно поэтому опережали американцев. Королев всегда делал ставку на людей — и побеждал. Он высоко ценил профессионалов. Не винтиков, а именно творческих людей, знающих свое дело. В этом его гениальность: он мог сконцентрировать усилия людей на выполнении общей цели.

Однажды СП собрал нас в своем кабинете. Мы приготовились к очередному «мозговому штурму», однако повод для встречи оказался неожиданным. Главный устроил конкурс на лучшее название нашего изделия — конструкции, в которой первому космонавту предстояло облететь Землю. Посыпались предложения: космолет, ракетолет! Все не то... И Королев воспользовался своим правом старшего: «Пусть будет космический корабль».

Мы невольно засмеялись. Разве это похоже на корабль? Корабль огромный, а это скорее челн или лодка. Мы не до конца осознавали масштаб дела, которым занимались. А Королев видел перспективу. Так и вошло во все языки мира яркое и точное определение нового вида транспорта — космический корабль.

Космонавты всегда были элитой общества. Вы пользовались какими-то привилегиями, и насколько они для Вас были важны? Денежный вопрос для космонавтов никогда не был определяющим. За «длинным рублем» в космос никто не летал, слиш-

ком уж опасная это профессия. Награждали нас по-разному. Уже давно появилась шутка: «Мы решили наградить тебя дипломом!» — «Лучше деньгами»... Я космонавт-испытатель первого класса, инструктор, поэтому зарплата у меня была самая высокая — 500 рублей. Никаких чеков, с которыми я мог бы пойти в магазин и сказать: «Заверните мне две «Волги»», никогда не было. Золотых гор не водилось, обычная квартира в районе ВДНХ, в «городке космонавтов», дачный участок... Так что особых материальных благ не было, но было уважение. К нам прислушивались, мы могли помогать людям, науке своим «космическим» авторитетом, а это дорогого стоит. Постепенно все это сошло на нет, и сейчас у космонавтов нет никаких привилегий. Да и вообще, летать в космос за деньгами и привилегиями не стоит. За этим лучше идти в чиновники. А в космос надо лететь все-таки за мечтой.

Иногда, оказываясь в незнакомой компании, я шучу, что делаю уже второй миллион долларов. У кого-то просыпается ко мне интерес, кто-то сморит с плохо скрываемой завистью. Выдержав паузу, я поясняю: делал первый миллион, ничего не вышло. Плюнул и стал делать сразу второй. Все смеются.

Когда-то наша страна была ведущей космической державой. Как Вы думаете, сейчас у нас есть шанс хотя бы частично вернуть прежние позиции?

Когда мы запустили первый спутник и первого космонавта, обогнав в космической гонке американцев, которые всегда считали себя фаворитами, они поняли, что все их богатства не дали им технического превосходства, и изменили свою систему образования под нашу. Советская система образования была очень правильной. Сейчас за рубежом множество лучших специалистов во всех отраслях, особенно в математике, кибернетике, информа-

ционных технологиях, русские. И наши хакеры, что уж скрывать, самые лучшие. Советские мозги, получившие советское образование, всюду ценятся не зря. Нынешнее изменение нашей системы под американскую — это не шаг в российское будущее, а воз-

ботали. Это привело к нарушению нормальных человеческих отношений, а самое страшное, что все к этому привыкли. Люди губят природу и человеческие жизни ради денег. Зачем им эти деньги нужны? Все может кончиться новым потопом...

сти к знаниям, в науку и училась беспрестанно. И мы продолжали углублять свои знания, даже будучи профессионалами.

«Сегодня у меня часто возникает чувство, что человечество свихнулось. Мы как будто остановились в развитии, деградируем в сторону обезьян. Люди губят природу и человеческие жизни ради денег. Все может кончиться новым потопом...»

врат в американское прошлое. Получается, мы выполняем задачу, поставленную бывшим премьер-министром Великобритании Маргарет Тэтчер: она видела Россию поставщиком нефти и газа. Ныне внедряемая система образования хороша лишь для того, чтобы обслуживать трубы. Я считаю, что система образования и науки не должна зависеть от коммерции. В конечном счете это экономически не выгодно.

Вот мои любимые писатели Стругацкие пишут, что самая престижная профессия в будущем — это воспитатель. Хорошо бы так оно и было. Тогда у нашей страны вновь появился бы шанс. А пока я очень тревожусь за Россию.

Почему? Может быть, Вам просто обидно за свою профессию? Мне за державу обидно! Сегодня у меня часто возникает чувство, что человечество свихнулось. Астрономию в школе отменили в год, когда мы праздновали Год астрономии. Мы как будто остановились в развитии, деградируем в сторону обезьян. Неужели хотим начать все сначала, с палкой бегать? Мы кинулись строить капитализм, а необходимых законов и моральных основ такого строительства не разра-

Волнует меня также вывоз российских капиталов за рубеж. Каждый месяц из России утекают огромные деньги. Когда-то я разговаривал с американским миллионером и спросил, сколько у него денег в банке. Он удивленно ответил: «Разве можно хранить деньги в банке? Они должны работать в проектах!» И вот, вместо того чтобы нефtedоллары работали в нашей стране на ее развитие, они уходят за границу. Получается, что наши деньги работают на Америку, оставляя российскую экономику без финансирования. А в это время сельское хозяйство пропадает, производство стоит, люди маются без работы. Я этого не понимаю, и поэтому судьба России меня очень тревожит.

Так вышло, что я оказался причастен к прорыву в космос. В свое время мы создали «семерку» — ракету, которая удержала американцев от нападения на нашу родину. Потом запустили первый спутник. Хорошо помню этот великий день. Следом пошел первый лунник, первая фотография обратной стороны Луны, первый полет человека в космос... Прорыв в космос стал возможен еще и потому, что в свое время страна сделала прорыв от безграмотно-

А сегодня сосредоточиться на прорывных направлениях мы не можем — нет ни денег, ни промышленности, ни кадров. Что впереди? Дальнейший разгул коррупции и деградация человеческой цивилизации? Из общества покорителей мы можем превратиться в общество потребителей, и это уже происходит. Я очень боюсь, что люди привыкнут только потреблять и потреблять, а когда устанут от этого и захотят поднять головы к небу, уже не смогут, потому что шеи будут как у свиней.

Знаете ли Вы ответ на чисто русский вопрос: что делать?

Существует два способа вывести Россию из кризиса — фантастический и реальный. Фантастический — мы сами справимся. Реальный — прилетят инопланетяне и все сделают за нас. Это, конечно, анекдот. А если серьезно, то я все-таки оптимист и верю: человек справится со всеми настигающими его проблемами. Однажды мы вышли из пещеры, хотя она оберегала от саблезубого тигра, там горел костер, было тепло. Но, несмотря на опасность, вышли! Так и сейчас: рано или поздно мы покинем «колыбель человечества» и, хотя это сопряжено с рядом трудностей, обязательно распространим свое влияние на ближний и дальний космос, сделаем его и мастерской, и местом жительства, и все-таки немножко храмом, потому что тайна будет оставаться всегда. Жизнь на Земле когда-нибудь закончится, и, хотя это лучшая из планет, нам уже сегодня надо думать о «запасном аэродроме» для человечества. Готовь сани летом, а корабль до конца света. Я очень надеюсь на своих соотечественников и верю в их разум. На то человек и разумный, чтобы вовремя делать правильные выводы. ■

ПЭС 14077/29.05.2014